

ДЛЯ МЕНЯ, актрисы, встреча с Владимиром Маяковским в трех спектаклях Московского театра сатиры — «Баня», «Клоп» и «Мистерия-буфф» — стала школой политической, нравственной, одним словом, школой гражданственности. Предельно активный в своей любви и ненависти, он волновался сам и заставлял волноваться других, и не только волноваться, но активно участвовать в борьбе, переделывать жизнь.

Мне кажется, что герои Маяковского — те же люди, к которым обращены его произведения, — наши современники. Актису не надо их выдумывать, сочинять, их надо знать, видеть, чувствовать, жить их интересами. Работая над «Баней», мы задавали себе вопрос — каким людям симпатизирует Маяковский? Тем, кого принято называть «простыми», «обыкновенными»? Но внешне ничем не примечные, не сказочные герои вырастают у Маяковского из людей, достойных подражания. Таковы Чудаков, Велосипедки, Ундертоны, Поля, Ночники. Повесть романтики и вдохновения героини не случайно обращается к «маленькому» человеку: его интересует, как наша жизнь делает «маленького» больше, «простого» — сложным, способным на большие нравственные сдвиги. Не случайно поэтому Маяковский безоговорочно верит в социальную силу социалистической революции и великое предначертание ее творцов.

Мы часто говорим и пишем, что драматург воспитывает зрителя. Но настоящий большой художник воспитывает и воспитателя — актера, режиссера. Таков Маяковский. Своим гражданским и человеческим обаянием, силой взрывных идей своего творчества он буквально берет в плен актера. Художник «из массы и для массы», никогда не теряющий партийного ракурса в изображении событий, он требует от

актера большой страсти, гражданского горя и новаторства в постановке и раскрытии основной проблемы эпохи — роста и расширения человеческого духа в процессе революции. Играть его пьесы ставит перед собой задачу, которая «вызывает» профессионализм, просто невозможно.

Меня всегда интересовала природа подвига, гражданского мужества. Актер с любовью следит за кульминационным моментом жизни героя и старается понять, «что» и «как» произошло. На актерском языке это называется «моментом самовыявления», который неуживчив и для себя, и для окружающих. Однако не только «что», но и «как» часто выступает в жизни критерием гражданской природы человека: его идейности, мужества, человечности. Здесь важно все, здесь нет мелочей.

В связи с этим интересно остановиться на нескольких ролях, которые я люблю за большую человечность.

Но сначала не о ролях... Я думаю, над поучительной судьбой Валентины Терешковой. Мы восхищаемся результатом подвига, а ведь не менее интересно узнать и понять путь к нему. Не случайно на пресс-конференции космонавтов многих интересовало их мнение о сущности героизма, как не случайно и то, что Фиделя Кастро во возвращении из Советского Союза возвращает вопрос о том, как удовлетворить все растущий «спрос» на революционность у настоящего и будущих поколений молодежи.

Вот скучные данные биографии... Валентина Терешкова, 1937 год рождения, деревня Масленниково Тульского района Ярославской области. Браслетчика на шинном заводе, затем ровничница на комби-

нате технических тканей «Красный Перекоп», окончила текстильный техникум. В 1962 году принята в члены КПСС. Совершила 126 прыжков с парашютом. Мать — работница фабрики «Красный Перекоп», сейчас пенсионерка, отец погиб на фронте. 1963 год — первая в мире женщина-космонавт, Герой Советского Союза...

Вся биография уместилась на четверти листа, но между этими основными вехами жизни есть немало интересных деталей, говорящих о многом. Оказывается, Валю интересовало, почему девочки не бывают барабанщиками. Главное оружие в ее работе комсомольского вожака была душевная щедрость, подку-

сти в ее многогранности и неповторимости. Здесь-то и сказывается духовное богатство актера, знание и понимание жизни, сила фантазии, мастерство.

А теперь роль. Ундертон, ей 20 лет, работает машинисткой в купальном товариществе Победоносиков. Уволена с работы по причине «неэтичности губ». «В подполье» не была, нос в веснушках, но нее, по ее же словам, только потому и обращают внимание, что она «губами бросается». Биография, прямо скажем, совсем не «героическая». Но вот и другие детали. Она открыто смеется над чванством и фанфаронством главноупса Победоносиков.

несколько по судьбе и характеру героини — реально и сценично. Прозорливость Маяковского в том и выражается, что в таких простых тружениках, как Ундертон, он видел будущих героев космоса и целины. Не в этом ли состоит высшее проявление народности революционного художника? С Маяковским легко, потому что за ним всегда жизни — сегодняшняя и будущая.

У нас как-то не принято связывать актерскую удачу или неудачу с внутренним обликом актера, с его гражданской позицией в жизни. Хотя всем известно, что «чуждое» ждешь неоткуда, оно заложено в самом актере. Современников играть

для людей голого расчета, «снимутного» успеха подобная диффамация не под силу.

Говню, как после одного из спектаклей «Баня» ко мне за кулисы пришла незнакомая женщина средних лет, с беспокойными глазами, и все что она несколько раз повторила мне, было: «Я все поняла, я теперь все поняла!». Мне стало ясно: человек решил для себя что-то очень важное, что, может быть, изменит ее жизнь в корне, и помог ей в этом поэт-гражданин. Стоит ли говорить, что для меня это была счастливейшая минута в жизни!

Встречи с интересными людьми так же обогащают, как общение с интересными людьми. Работа над образом Поля — могла мне по-настоящему посмотреть на многие вещи, переосмыслить привычные представления, более требовательно относиться к себе и к другим. Зная, что есть такая Поля, уже не будешь жить применительно к тому, что противоречит самому существу нашей жизни.

Для Маяковского мещанин и бюрократ — личный враг, с которым он борется с особой, присущей только ему страстью, и будет бороться до самого коммунизма. Сила сатирического обличения — в чужой партийной позиции драматурга, в умении правильно видеть жизненное соотношение противоположностей начал. Он направляет остроту сатиры не только против Присыпкина и Победоносикова, но и против тех, кто составляет их питательную среду. Поэтому какущаяся «перенасыщенность» его пьес отщепенными персонажами нигде не приводит к идеологическому смешению. Маяковский сам говорит, что право на критику получит тот, кто сумеет соразмерить критику с пафосом строительства нового общества.

Я вспоминаю спектакль «Названье», поставленный театром «Современник». Сегодняшние последователи «главнупса» Куроплева и Муромова сыграны Е. Евстигнеевым блестяще, емко и точно. Им противопоставлен Лямина, подобный которому, к сожалению, еще немало в нашей жизни. Но, странное дело, ав-

тор, режиссер и актер изо всех сил стараются оправдать, возвысить того, кто достоин лишь осуждения. Ведь Лямина — это «хороший» странный человек, с его философией «малых» дел и «малого счастья» — по сути, проповедует (и словами, и поступками) непритворение злу. Театр как бы не замечает, что Куроплевы и Муромовы плодятся именно там, где существуют ляминские, которые в жизни часто бывают вольными или невольными соучастниками несправедливости и преступлений. Своим равнодушием, рыбьей кровью и зачатой психологией они заражают окружающих пассивностью и апатичностью. Да, именно апатичностью, так как политика складывается не только из больших, но и малых дел. Маяковский всем сердцем против них. Что с того, что они иногда цитируют его стихи и произносят «изученные» слова, — это не приближает их к нему ни на шаг. Мертвое и живое, обывательское и партийное — несовместимы.

Две авторские позиции. Одна, опирающаяся на таких, как Чудаков, Ночники, Поля, Ундертон, Велосипедки, с которыми Победоносиков не справиться, позиция, помогающая бороться и строить жизнь. И другая, расслабляющая мышцу и волю, притупляющая взор, ибо «зайцы», подобные Лямину, — лучшая колыбель для потугиного и сериного вращивания куроплевых и муромовых. Первая — дает актеру возможность граждански активно выразить свое отношение к жизни, вторая — не дает дальше расслабиться о частной судьбе, к тому же идейно и человечески убогой.

Маяковский и сегодня ведет открытый разговор с современником и говорит с ним на равных. Он не подталкивает зрителя до себя и не опускается до него — удивительное свойство, присущее только истинно народному художнику. Играть Маяковского — значит через борьбу приходить к радости познания нового мира, переделывать самому и переделывать мир.

Кира КАНАЕВА,

артистка,

лауреат Государственной премии.

Примечание: В роли Ундертон имеется в виду первая исполнительница — актриса Галина Кожанкина, в роли Велосипедкина — бесценный исполнитель Борис Рунге.

«СЛУШАЙТЕ, ТОВАРИЩИ ПОТОМКИ!..»

Сергей БАЛАШОВ,

народный артист РСФСР

О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ обычно не говорят. Во имя любви надо делать.

Маяковский... Тема такая, что не нужны ей пространственные подходы, многотрудные экскурсы в архивы. Владимир Маяковский нужен каждому в моей стране, и он, только он может мгновенно, с поражающей силой найти контакт с аудиторией любого житейского, возрастного, профессионального склада.

Помню, однажды читал я Маяковского для рабочих арлаторского рудника. Поднимается парень. По тому как улыбается ему все, подталкивают к эстраде, понимаю: свой для рабочих. Парень просит: «Вы напомним эти слова насчет радия». Я читаю:

Позвоня —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради,
тысячи тонн
словесной руды.

— Вот и наш труд таков. Добывая золото, тонны породы перемышляем. Сегодня мы достали из глубины в 200 метров этот кусок породы, а в нем жили золотые. Возьмите — от нас. За Маяковского.

Контакт народного поэта с русским парнем естествен и понятен. Но я приведу пример совершенно полярный. В польской деревушке, где никто не знал по-русски, восхищаются, негодует, одобряет, печалится, славят со сцены Маяковский. Я смотрю на моих слушателей: вот посветлели лица, а вот сдвинулись брови, вот улыбаются, а вот горестно покачивают головой... Аплодируют! Они поняли! Незримый мостик внимания и понимания возник между нами.

Таков он, стих Владимира Маяковского — четкий, ритмичный, вынужденный. Таково слово его — чеканное, выпуклое. Знаете, были в старину вывески с крупными объемными буквами, броский такой шрифт. Вот и «шрифт» Маяковского — слово было в трех измерениях, объемный, осязаемый. Потому и понимает поэта весь мир, «всяк сущий в нем язык».

Поначалу я робко нащупывал путь к Маяковскому. Читал с эстрады несколько стихотворений. А потом произошло событие, короткое, но незабываемое. В тридцатом году я играл Победоносикова в Ленинградском Большом драматическом театре. Автор «Баня» был на одном из представлений. После спектакля Маяковский прошел за кулисы, долго и энергично толковал с режиссером, а затем вдруг размявшись шагом своим приблизился ко мне и крепко пожал мою руку. И с той поры, какие бы новые планы ни увлекали, куда бы ни уводили (хоть ко временам Игоря, или Шекспира, или Гоголя), я неизменно возвращаюсь к современности, к Маяковскому.

К Маяковскому зовут слушатель в любом поколении. Само время.

...Время было грозное, военное. Наша актерская бригада приехала на один из аэродромов. Встречали нас летчики и колхозники сердечно, радостно. С полемными цветами. Под крылом тяжелого бомбардировщика поставили наш грузовик-эстраду. Откинули борта, поставили опоры... ящики с бомбами. А небо было неспокойное, напряженное. Что читать на бомбах, под военным небом? Влока? Есенина?... Нет. Только Маяковский!

Я ПЕРЕЛИСТЫВАЮ ТОМ Л. Толстого. И вдруг по-толстовски простые и мудрые строки — о музыке. Мое сознание готово и охотно соотносит их с моими раздумьями о Маяковском. «Эти вещи можно играть только при известных, важных, значительных обстоятельствах, и тогда, когда требуется совершить известные и соответствующие этой музыке важные поступки. Сыграть и сделать то, на что настроена эта музыка». (Подчеркнуто мною. — С. Б.)

Это же Маяковский, о боевой агитационной силе и действительности его поэзии, о мощном заряде убеждения, заложенном в вихревой, взрывчатом стихе поэта-трибуна! И память торопит меня: а поминишь? А поминишь?..

Помню. 1942 год. Северный флот. Подводная лодка, командир ее Николай Александрович Лукин. Это был первый мой концерт под водой. Выступали мои товарищи. Я читал Маяковского. После концерта подводники сказали:

— Мы направили очередную торпеду во вражеский корабль от имени участников сегодняшнего концерта.

Я взял мел и написал на торпедке: «И песня и стих — это бомба и знания». И подписал: Владимир Маяковский.

Через несколько дней в город Полярный пришла радиogramма: «Автор поставлен адресату водоизмещением 6.000 тонн. Николай Лукин».

И еще помню. Я разговаривал на фронте с танкистом 18-й танковой бригады. О Маяковском. Солдат сказал мне: «Знаете что? Вот вы читали сейчас, а я слушаю и чувствую одно: жизнь приобретает особую ценность, эти стихи зовут к действию».

Да-да, стих Маяковского побуждает к действию, к «важным поступкам», соответствующим тому взрывчатому заряду, что заложен в этом стихе. Именно потому рвет подводные глубины торпеды с «авторграфом» Маяковского, разметают врага авиабомбы, подливающие подмошники, с которых звал к борьбе чеканный стих поэта. Именно потому спускается после концерта в забой знатный шахтер Павел Поджаров, чтобы нарвать угля сверх всех мысленных норм, а нижегородский металлург Дмитрий Восток, потрясенный гражданской страстью поэта-борца, просит нас: «Вернетесь на фронт — скажите солдатам, что мы, гвардейцы тыла,

подопрем своим могучим плечом наступление армии».

Жизнь — борьба. Слово Маяковского, осязательно точное, необходимо в борьбе, в действии — в жизни. Именно Маяковский хочется читать в моменты высокого подъема труда, борьбы, схватки. Под грозным военным небом, на перекрытии Енисея, на первой целинной борозде, перед космическим стартом.

Сражается, пропагандирует, призывает к немедленному действию поэзия Владимира Маяковского. Поэтому-то и сегодня в сотнях строк — плакатами, лозунгами, просто надписями мелом на плотинах и эшелонах — больше всего живет он!

НО ВСЕ ЛИ МАЯКОВСКИЙ В ЭТОМ? Только ли агитатор, увлекающий, поднимющий в данную минуту? Давайте листать и читать. Целая энциклопедия коммунистического становления открылась нам. И рядом с агитатором — в такой же гигантский рост — возникнет глубокий воспитатель, могучий лирик и философ, плашай самых высоких идей.

Мне одинаково дороги в многогранном облике поэта его титаническая агитационная страсть и столь же мощная лирическая сторона, беспощадность его сатиры и мягкость иронии (от Гейне, от Пушкина над самим собой?). Я слышу в поэзии Маяковского напевность и чеканность «Слова» как качественно новым выражением того же патриотизма, шекспировскую мощь и глубину, голосевскую беспощадность и ненависть к страданиям людским, а кроме того, — огромный лиризм, равный и даже превосходящий в чем-то поэтическую одухотворенность Влока, Есенина.

Сегодняшний Маяковский обладает пронзительной силой лирического проникновения, поэзия его охватывает все стороны творимого нами гармонического человека.

Сильнее всего это сказалось в его поэме «В. И. Ленин». Сегодня она звучит гимном новому человеку, через нее завалы культа личности снова переносят нас к подлинному Ленину, к Ленину в слитности с народом. Маяковский точно выразил эту особенность ленинской поэмы — умение вложить слово в подслушать то, о чем говорит, думает, мечтает трудовой человек.

Все это нужно знать нашей молодежи. Она приходит в жизнь на готовое. А Маяковский воскрешает образ родного Ильича, историю борьбы за право прийти сегодня в класс, сесть за парту, рвать щелчки в поле.

Людям об Ильиче известно все: читали, слышали, жизнь его наизусть знают. А Маяковский дает нового Ленина, зримого, пластичного. И для меня, артиста, важно было предельно понятным слушателю. Художественное чтение — это театр воображения. Я стремлюсь помочь моим слушателям не только воображать, но и видеть вожда через стих, музыку слова, движение.

Как читать Маяковского? Как заставить аудиторию в едином порыве волноваться, грустить, смеяться? Слово актера должно звучать сильно и просто, оно должно быть чистым и торжественным. Завернется ли граната без взрывчатки, без запала? Маяковского нужно читать с запалом, с внутренней страстью, ошущающей даже такое произнесенное слово. Мне пришлось однажды на передовой (об этом писали уже) в трехстах метрах от противника, шепотом читать бойцам поэму «Во весь голос». И каким нужным оказалось для них это шепотом сказанное, но во весь голос прозвучавшее слово поэта!

МНЕ ОЧЕНЬ ТРУДНО ОПРЕДЕЛИТЬ, какому времени принадлежит Маяковский. Я был его современником, слушателем, развораживал еще пахнущие краской его первоиздания, наконец, хоть и мимолетно, был знаком с ним самим.

И вот уже былинные «тридцать лет и три года» прошли со дня его смерти. Сегодняшние биографы охотятся за его первоизданиями и рудуются находке, как редкостью удаче. Выходят академические его собрания и тома воспоминаний о нем — удачные и неудачные. Как реликвии извлекают на свет из архивов киноленты «Барышня и хулиган», «Не для денег родинился!» и — счастливы! — жадно разглядывают красивого человека на экране.

Из архивов... Выходит, мы — потомки. А он что же? Предок?

Вот задайте себе такой вопрос — и рассмеетесь. Уйдут куда-то на второй план реликвии и архивы, воспоминания и академические комментарии. Потому что живет, прохочет, строит то, чем он жив, «перевешивая в нем» — слово. И заметьте! — чем дальше, тем нужнее. Нет, все-таки никто, как он, не выразил с такой силой, проникновением, ясностью идеалы коммунизма («Нет мне без него любви!» — найдите еще признание такой потрясающей искренности!).

Поэт коммунизма. Всегда живой, деятельный, современный.

ИДУЩИЙ С НАМИ

МЫ ПРАЗДНУЕМ семилетнюю годовщину со дня рождения Владимира Маяковского...

«Я к вам пишу в коммунистическое далекое», — обещал поэт. И он идет вместе с нами. Идет со своей страстной, партийной убежденностью, публицистичностью, дерзостью мечтаний.

Сейчас в Москве открыты две юбилейные выставки — в Государственном литературном музее и в Центральном доме литераторов. И здесь мы встречаемся с живым Маяковским — Маяковским, каким знали его современники, и Маяковским, каким мы видим его сегодня.

Великий поэт революции, он брался за любую черную работу. Писал «агитки» по любому хозяйственному вопросу, если они служили делу его класса, — таким предстает перед нами Маяковский в многочисленных рисунках и «Окнах РОСТА», рекламных плакатах, представленных на выставках. Эти работы Маяковского — торжество лаконизма и ясности мысли. Броский, разный текст и красочный рисунок, порой простой до наивности, порой гротескный, но всегда страстный и убедительный.

Огромные «Окна РОСТА», боевые агитационные листы, обладали какой-то внутренней магической силой — останавливали прохожего, убеждали его: «Крестьянин, так встречай Врангеля!», «Все на помощь Донбасу, товарищи!», «Посеяная кампания. Выполнен декрет!».

А со страниц его книг смотрят беглые зарисовки поэта, динамичные, броские. Они носили скорее подсобный, разъяснительный характер, поэтому очень близки к стилю «Окна РОСТА» с их контурными или простыми на сочетании контрастных цветов рисунком.

Для художника работа с текстом Маяковского представляет огромные трудности. Эти трудности испытывал и сам поэт, иллюстрируя собственные стихи. Пытаясь буквально перевести на изобразительный язык метафоры, сравнения, гиперболы, которыми изобилует его поэзия, он создавал иногда рисунок, который нельзя было понять без текста. Вспомним изображение Стиннеса в одном из стихотворений из книги «Маяковская галерея», где, следуя строкам:

Так,

вместо рта

у Стиннеса

режистат.

Ноги —

германские желдороги...

А у Стиннеса

пальцы —

вся полиция.

Маяковский последовательно рисует вместо рта — чертняги режистата, вместо ног — паровозы, а пальцы рук завершает головами полицейских в касках. Такое строгое следование тексту порождает настолько усложненный рисунок, что пропадает его убедительность, ясность, гармоничность, тем более что фактически литературные тропы прямо изобретательному искусству. Чуждо переложить их, нужна специфическая, изобразительная метафора (пример — лист Б. Прокурова «Американская свобода»).

По этой же причине нередко терпели творческую неудачу и многие художники, обращавшиеся к поэзии Маяковского. Существовало даже глубокое неверное мнение, что образы Маяковского неслучайны и поэтому якобы иллюстрировать его можно, лишь подражая набросочному рисунку поэта, стилю «Окна РОСТА». Забывалось, что очень важно для иллюстратора Маяковского прочувствовать основную направленность мысли, особенности его поэтического языка с резко контрастной сменой картин и образов, с динамичностью действия. Это дает огромные возможности для творческого осмысления его поэзии. А manera изображения — это вопрос формы.

А Дейнека, очень много работавший над образами Маяковского (на выставках мы вновь увидели его станковые произведения «Левый марш» и «Маяковский в мастерской РОСТА»), его иллюстрации и эскизы костюмов к спектаклю «Баня», говорил, что недостатков многих иллюстраций объясняются тем, что роль их понимали очень примитивно: выхватывали кусок текста и пытались перекладывать его в изображение, а иллюстрация к Маяковскому должна опираться на всю ту массу образов, которыми насыщена его поэзия.

В этом плане очень интересные рисунки к поэме «Хорошо» Д. Моора, показанные в Литературном музее. Четкие, плакатно-выразительные листы передают основную идею, революционную настроенность поэзии Маяковского.

Интересно прочитал Маяковского в этом плане очень интересные рисунки к поэме «Хорошо» Д. Моора, показанные в Литературном музее. Четкие, плакатно-выразительные листы передают основную идею, революционную настроенность поэзии Маяковского.

И. ПРОНИНА.



В Государственном литературном музее открыта выставка

к 70-летию со дня рождения В. Маяковского.

На снимке: в одном из залов выставки